

**КРОСС-КУЛЬТУРНЫЕ
И ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ**
CROSS-CULTURAL AND ETHNOPSYCHOLOGICAL RESEARCH

Религиозная идентичность студентов-мусульман (на материале изучения молодежи, проживающей в Чеченской республике)

О.С. Павлова*,
ФБГОУ ВО МГППУ, Москва, Россия,
os_pavlova@mail.ru

В.М. Миназова**,
ФБГОУ ЧГУ, Грозный, Россия,
veneraminazova@mail.ru

О.Е. Хухлаев***,
ФБГОУ ВО МГППУ, Москва, Россия,
huhlaev@mail.ru

В статье представлены результаты социально-психологического исследования, целью которого явилось изучение структуры и содержания различных компонентов религиозной идентичности у мусульманской молодежи по методам К. Лича и Д. Ван Камп, а также выявление взаимосвязи между различными компонентами религиозной идентичности и такой социально-психологической категорией, как социальная консолидация. В исследовании, проведенном в г. Грозный (Чеченская республика РФ) осенью 2015 г., приняли участие 417 студентов первых–вторых курсов чеченских вузов, средний возраст которых – 19 лет. Из них 164 студента – юноши, 253 – девушки. Эмпирическая проверка предположения о соответствии исходных моделей выборке студентов-мусульман показала, что религиозная идентичность чеченской молодежи представляет собой четырехфакторную структуру, в которую входят следующие параметры: индивидуальная духовная идентичность; идентичность по вероисповеданию; социальная духовная идентичность; религия как способ социального взаимодействия. Были выявлены значимые взаимосвязи между различными параметрами религиозной идентичности и социальной консолидацией респондентов.

Ключевые слова: религиозная идентичность, социальная категоризация, ислам, студенты-мусульмане.

Введение

Российский религиозный ренессанс последних десятилетий способствовал актуализации изучения

роли и места религии, как в общественной жизни, так и в индивидуальном психологическом пространстве личности. К рассмотрению различных аспектов религии, религиозности и религиозной идентичности

Для цитаты:

Павлова О.С., Миназова В.М., Хухлаев О.Е. Религиозная идентичность студентов-мусульман (на материале изучения молодежи, проживающей в Чеченской республике) // Культурно-историческая психология. 2016. Т. 12. № 4. С. 90–99. doi:10.17759/chp.2016120409

* Павлова Ольга Сергеевна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования, доцент кафедры школьной психологии ФБГОУ ВО МГППУ, Москва, Россия. E-mail: os_pavlova@mail.ru

** Миназова Венера Магомедовна, старший преподаватель кафедры педагогики и психологии, Чеченский государственный университет, Грозный, Россия. E-mail: veneraminazova@mail.ru

*** Хухлаев Олег Евгеньевич, кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования ФБГОУ ВО МГППУ, Москва, Россия. E-mail: huhlaev@mail.ru

обращаются ученые практически всех областей гуманитарного знания. При этом исследователей интересует самый широкий круг вопросов: от рассмотрения религии как фактора «социального конструирования и механизма для грамотного понимания политической и общегуманитарной обстановки в современной России» до ее анализа как стратегии «выживания в условиях отрыва от традиции» [3, с. 11, 12].

Изучение религиозной идентичности осуществляется по двум параметрам: в контексте индивидуальной идентичности как «приобретение посредством религии собственного экзистенциального опыта» [8, с. 27] и в контексте социальной идентичности как принадлежность к определенному сообществу (например, к мусульманской умме). При этом религия может выступать одновременно и как содержание, и как инструмент идентификационного процесса. Так, М.М. Мчедлова религиозную идентичность определяет как результат самоотождествления личности или референтного сообщества с определенным религиозным учением или его частью [11, с. 123]. Автор выделяет внутреннюю религиозность — т. е. Веру как таковую, и внешнюю религиозность — т. е. соблюдение определенных религиозных обрядов, церемоний, ритуалов.

Широкую известность обрела концепция религиозности Г. Олпорта (Allport G.), на основе которой построен целый ряд исследовательских методов. Г. Олпорт выделяет внешнюю, инструментальную религиозность, которая используется для достижения каких-либо целей, и внутреннюю религиозность как важнейшее духовное начало человека, являющееся основой душевного здоровья личности [13, с. 123]. Концепция Г. Олпорта легла в основу четырехфакторной структуры религиозной идентичности Д. Ван Камп (Van Camp D.), согласно которой в религиозной идентичности выделяют внутреннее и внешнее содержание, личную и социальную направленность. Подробно модель Ван Камп и ее использование на русскоязычной выборке описаны в работах О.Е. Хухлаева и В.А. Шороховой [18; 19]

Важным аспектом психологического анализа религиозной идентичности является идентификация с религиозной группой, так как ее выраженность определяет поведение индивида, степень согласованности мыслей и действий с ценностями и целями группы. В этом контексте подход К. Лича с соавторами (Leach C.W., van Zomeren M., Zebel S., Vliek M.L.W., Pennekamp S.F., Doosje B., Ouwerkerk J.W., Spears R.) представляется нам наиболее интересным. Исследуя ингрупповую идентификацию в целом, авторы выделили пять основных ее компонентов: самостереотипизация (individual self-stereotyping), ингрупповая гомогенность (in-group homogeneity), сплоченность/единение (solidarity), удовлетворенность (satisfaction) членством в группе и выраженность (centrality) ингрупповой идентичности [1, с. 144–145].

Заметное усиление роли религии в жизни современного российского общества ставит, по мнению В.А. Ильина, «... целый ряд практических задач, в том числе социально-психологического плана, свя-

занных с взаимодействием религиозных конфессий и различных социальных структур, межконфессиональными отношениями, отношениями верующих с той частью общества, которая придерживается атеистических взглядов» [7, с. 33–34]. В связи с этим перед исследователями встает важная задача: ответить на вопрос, как связана религиозная идентичность и другие категории социальной идентичности (этническая, гражданская). В контексте теории социальной идентичности Г. Тэшфела (Tajfel H.) социальная категоризация есть осмысление социальной окружения как состоящего из различных групп. Социальная категоризация является первой ступенью в осознании группового членства, за которой следует социальная идентификация — выбор группы, в которую индивид определяет себя, сделанный на основе сравнения, а потом уже полное осознание своей принадлежности группе, что и представляет собой социальную идентичность как таковую [4, с. 266].

Целью нашего исследования являлось изучение структуры и содержания различных компонентов религиозной идентичности у мусульманской молодежи по методам К. Лича и Д. Ван Камп, а также выявление взаимосвязи между различными компонентами религиозной идентичности и такой социально-психологической категорией, как социальная консолидация. Базовые гипотезы состояли, во-первых, в проверке предположений о соответствии структуры религиозной идентичности, предложенной Д. Ван Камп, выборке студентов-мусульман, а также о применимости универсальной структуры социальной идентификации (по К.Личу) для анализа религиозной идентичности в российской исламской среде; во-вторых — в предположении о наличии у чеченцев-мусульман взаимосвязи между религиозной идентичностью и всеми основными компонентами социальной консолидации (достаток, национальность, вероисповедание, соседство), кроме российского гражданства.

Метод

Исследование было проведено в столице Чеченской Республики, городе Грозном, осенью 2015 г. В нем приняли участие 417 студентов первых—вторых курсов ЧГУ и ЧГПУ. Все респонденты идентифицировали себя как мусульмане, большая часть которых старались соблюдать религиозные обычаи и обряды. Средний возраст — 19 лет. Их них 164 студента — юноши, 253 — девушки. Для обработки результатов исследования использовалась программа IBM SPSS Statistics.

Для изучения религиозной идентичности, ее внешних и внутренних компонентов использовалась методика Д. Ван Камп «Измерение индивидуальных/социальных компонентов религиозной идентичности» [21] (адаптация русскоязычной версии произведена В.А. Шороховой, исламской версии О.С. Павловой) [18, с. 54–55]. Методика представляет собой опросник из 32 вопросов, по каждому из

которых необходимо проставить балл в соответствии со шкалой Лайкерта от 5 (полностью согласен) до 1 (полностью не согласен).

Для изучения идентификации с религиозной группой использовалась методика измерения интрагрупповой идентификации К. Лича [20] в адаптации Е.Р. Агадуллиной и А.В. Ловакова [1], которая представляет собой опросник из 14 вопросов, по каждому из которых необходимо проставить балл в соответствии со шкалой Лайкерта от 7 (полностью согласен) до 1 (полностью не согласен). Методика была адаптирована для измерения социальной идентификации с религиозной группой.

Кроме того, в исследование была включена методика для изучения категорий социальной консолидации (вопрос: «В какой степени Вы ощущаете близость с перечисленными ниже группами — “в максимальной степени”, “в большой степени”, “в небольшой степени”, “не ощущаю совсем”?»; список групп: «Люди Вашей веры, вероисповедания»; «Люди той же национальности, что и Вы»; «Жители Вашего города»; «Люди того же достатка, что и Ваша семья»; «Граждане России»), используемая в исследованиях Института социологии РАН [5].

Результаты исследования

Посредством исследовательского факторного анализа (метод главных компонент, вращение варимакс) ответов на опросник Д. Ван Камп «Измерение индивидуальных/социальных компонентов религиозной идентичности» было определено содержательное наполнение компонентов религиозной идентичности

мусульманской студенческой молодежи (для определения количества факторов использовался критерий Кеттелла). По результатам конфирматорного факторного анализа можно говорить о высоком соответствии с исходными данными, демонстрируемом на основании анализа наиболее популярных критериев согласия (RMSEA = 0.06 (HI90 = 0.08), CFI = 0.93, GFI = 0.94, AGFI = 0.91). Выраженность компонентов религиозной идентичности представлена в табл. 1.

Все различия выраженности компонентов религиозной идентичности значимы на уровне $p \leq 0.001$ (t-критерий для зависимых выборок). Таким образом, наиболее выражен такой компонент, как «Индивидуальная духовная идентичность», а наименее — «Религия как способ социального взаимодействия».

Достоверные различия между мужчинами и женщинами отсутствуют, за исключением компонента «Социальная духовная идентичность», более выраженного у мужчин ($p \leq 0.001$).

Результаты изучения идентификации с религиозной группой представлены в табл. 2. Соответствие модели с исходными данными было проверено с помощью конфирматорного факторного анализа (RMSEA = 0.07 (HI90 = 0.08), CFI = 0.99, GFI = 0.97, AGFI = 0.95). Все показатели находятся в пределах допустимых значений.

Все различия выраженности компонентов религиозной идентичности значимы на уровне $p \leq 0.001$ (t-критерий для зависимых выборок). Таким образом, наиболее выражен такой компонент, как «Удовлетворенность членством в группе», а наименее — «Интрагрупповая гомогенность».

Достоверные различия между мужчинами и женщинами отсутствуют, за исключением компонента

Таблица 1

Структура религиозной идентичности мусульманской молодежи. Сравнительная выраженность компонентов по методике Д. Ван Камп (в баллах от 1 до 5)

Выборки	Компоненты религиозной идентичности							
	Индивидуальная духовная идентичность		Идентичность по вероисповеданию		Социальная духовная идентичность		Религия как способ социального взаимодействия	
	Среднее	Ст. откл.	Среднее	Ст. откл.	Среднее	Ст. откл.	Среднее	Ст. откл.
Выборка в целом	4,86	0,43	4,09	0,75	3,62	0,96	3,12	1,11
Мужчины	4,83	0,47	4,12	0,84	4,09	0,8	3,12	1,14
Женщины	4,99	0,4	4,07	0,69	3,32	0,93	3,13	1,09

Таблица 2

Идентификация с религиозной группой. Сравнительная выраженность компонентов по методике К. Лича (в баллах от 1 до 7)

Выборки	Компоненты идентификации с религиозной группой									
	Удовлетворенность членством в группе		Выраженность групповой идентичности		Сплоченность/единение с группой		Самостереотипизация		Интрагрупповая гомогенность	
	Среднее	Ст. откл.	Среднее	Ст. откл.	Среднее	Ст. откл.	Среднее	Ст. откл.	Среднее	Ст. откл.
Выборка в целом	6,76	0,61	6,14	0,91	6,09	0,94	5,54	1,22	5,49	1,14
Мужчины	6,72	0,67	6,10	1,00	6,20	0,99	5,66	1,29	5,69	1,20
Женщины	6,77	0,58	6,16	0,84	6,02	0,90	5,46	1,16	5,36	1,09

«Индивидуальная гомогенность», более выраженного у мужчин ($p \leq 0,01$).

Важным для понимания места и роли религиозной идентичности в структуре социальной идентичности чеченских респондентов было изучение социальной консолидации. Полученные результаты отражены в табл. 3.

Наивысшую степень социальной консолидации респонденты ощущают с представителями своей религии (мусульманами) и своей национальности (чеченцами), а также с жителями своего города, подавляющее большинство которых также являются чеченцами-мусульманами. Наименьшую степень социальной консолидации респонденты проявили в отношении граждан своей страны.

На втором этапе исследования были рассмотрены взаимосвязи между компонентами религиозной идентичности, выделенными с помощью методики Д. Ван Камп, и категориями социальной консолидации. Результаты корреляционного анализа представлены в табл. 4. (отмечены только достоверные взаимосвязи).

Было обнаружено большое количество небольших, но достоверных взаимосвязей между компонентом «Социальная духовная идентичность» и практически всеми социальными категориями. Наиболее сильные взаимосвязи обнаружались по данному параметру с такими социальными категориями, как «Жители Вашего города» и «Люди той же национальности, что и Вы».

Аналогичные тенденции были отмечены в корреляционном анализе по параметру «Идентичность по вероисповеданию». Здесь значимые взаимосвязи обнаружались, прежде всего, с «людьми одной веры», что вполне очевидно, а также с «жителями своего города» и «людьми своей национальности». Параметр «Индивидуальная духовная идентичность» имеет значимые взаимосвязи с такими категориями, как «Люди Вашей веры, вероисповедания» и «Люди Вашей национальности».

Интересно, что такой внешний и инструментальный компонент религиозной идентичности, как «Религия как способ социального взаимодействия» не обнаружил значимых взаимосвязей с различными социальными категориями.

Аналогичные результаты были получены нами в корреляционном анализе социальной консолидации и религиозной идентификации по методике К. Лича (представлены в табл. 5).

Наибольшее число взаимосвязей было обнаружено между таким показателем религиозной идентификации, как «сплоченность» и выраженностью социальной консолидации с «людьми своей веры», «своей национальности», «жителями своего города», а также с людьми одинакового достатка. Остальные компоненты религиозной идентификации демонстрируют значимые взаимосвязи с тремя социальными категориями: «Люди моей веры», «Люди моей национальности» и «Жители моего города». Значимых

Таблица 3

Категории социальной консолидации (в баллах от 1 до 4)

Выборки	Категории социальной консолидации									
	Люди Вашей веры, вероисповедания		Люди той же национальности, что и Вы		Жители Вашего города		Люди того же достатка, что и Ваша семья		Граждане России	
	Среднее	Ст. откл.	Среднее	Ст. откл.	Среднее	Ст. откл.	Среднее	Ст. откл.	Среднее	Ст. откл.
Выборка в целом	3,65	0,68	3,40	0,76	3,20	0,82	2,97	0,94	2,75	0,98
Мужчины	3,68	0,69	3,42	0,73	3,25	0,87	2,98	0,92	2,80	1,01
Женщины	3,63	0,68	3,40	0,79	3,16	0,78	2,97	0,95	2,72	0,96

Таблица 4

Взаимосвязь выраженности социальной консолидации и религиозной идентичности по методу Д. Ван Камп

Категории социальной консолидации	Компоненты религиозной идентичности			
	Индивидуальная духовная идентичность	Идентичность по вероисповеданию	Социальная духовная идентичность	Религия как способ социального взаимодействия
Граждане России				
Люди того же достатка, что и Ваша семья			0,113*	
Люди той же национальности, что и Вы	0,131*	0,177***	0,151**	
Жители Вашего города		0,139**	0,194***	
Люди вашей веры, вероисповедания	0,278***	0,203***	0,110*	

Примечание: «*» – $p \leq 0,05$; «**» – $p \leq 0,01$; «***» – $p \leq 0,001$.

Взаимосвязь выраженности социальной консолидации и религиозной идентичности по методу К. Лича (корреляция Пирсона)

Категории социальной консолидации	Индивидуальная идентификация				
	Сплоченность	Удовлетворенность	Выраженность	Самостереотипизация	Индивидуальная гомогенность
Граждане России					
Люди того же достатка, что и Ваша семья	0,131*				
Люди той же национальности, что и Вы	0,245***	0,217***	0,143**	0,137**	0,192***
Жители Вашего города	0,277***	0,200***	0,189***	0,175***	0,179***
Люди вашей веры, вероисповедания	0,368***	0,324***	0,232***	0,199***	0,156**

Примечание: «*» — $p \leq 0,05$; «**» — $p \leq 0,01$; «***» — $p \leq 0,001$.

взаимосвязей по компонентам религиозной идентификации с такой социальной категорией, как «Граждане России», получено не было.

Обсуждение и интерпретация результатов

Обсудим результаты изучения структуры религиозной идентичности мусульманской молодежи. В первый компонент, объясняющий 19% дисперсии, названный «Индивидуальная духовная идентичность», вошли такие утверждения как: «Для меня важно знать, что я мусульманин»; «Мне важно заслужить довольство Аллаха»; «Моя религия не зависит от влияния моего окружения, будь я на необитаемом острове, мои взаимоотношения с Аллахом остались бы прежними»; «У меня есть важные обязательства перед Аллахом». Согласно модели Д. Ван Камп, — это внутренний личный параметр религиозной идентичности, составляющий ядро мусульманской (в данном случае) веры; он отражает такое важное для мусульман понятие, как *ихсан* (араб.) — искренность в поклонении Богу. Средняя оценка этого компонента оказалась очень высокой, приближающейся к мнению «полностью согласен» (4,9 при макс. 5,0). Это вполне согласуется с установленными в исламе духовными нормами, так как «религия есть проявление искренности» [16, с. 64].

Второй по значимости компонент, объясняющий 15% дисперсии, названный «Идентичность по вероисповеданию», объединил такие утверждения как «Я ощущаю сильную связь с людьми одной веры со мной»; «В своей религиозной практике я ориентируюсь на других известных мне людей, исповедующих мою религию»; «Моя религия помогает мне ощутить связь с другими людьми в обществе». Это

внутренний и социальный параметр, соответствующий модели Д. Ван Камп, который выражает субъективное ощущение взаимосвязи с религиозной группой и место значимости религиозной группы для формирования Я-образа. Данный компонент является очевидным отражением культурно-универсального феномена социальной идентификации в целом [4].

Следующим по значимости был компонент, объясняющий 11% дисперсии, в который вошли следующие утверждения: «Намаз в мечети, в обществе других людей для меня — одна из наиболее важных составляющих моей религиозной жизни»; «Посещение мечети для меня — важная часть повседневной жизни»; «Намаз в мечети для меня более значим, чем индивидуальный намаз (дома и т. д.)»; «Я принимаю активное участие в общественной жизни, связанной с Исламом». Этот компонент выходит за рамки авторской модели Д. Ван Камп, в которой «духовная» идентичность относится к индивидуальным сторонам религиозной идентичности. Для его интерпретации необходимо обратиться к анализу некоторых аспектов специфики ритуальной практики в исламе, ее индивидуального и коллективного начала. В исламе коллективный намаз, в частности намаз в мечети, является более предпочтительным, чем индивидуальный намаз. Так, один из хадисов¹ гласит «Достоинство общего намаза в двадцать пять раз превосходит достоинства намаза, совершенного одним человеком» [2, с. 84]. Преимущества коллективного намаза объясняются тем, что «мусульмане больше сближаются друг с другом. Человек, не обладающий знаниями, пользуется знаниями других, приобретая хорошие привычки и со временем оставляя вредные. Пребывание в джамаате² улучшает взаимоотношения, усиливает

¹ Хадис (араб.) — предание о словах и действиях пророка Мухаммада, затрагивающее разнообразные религиозно-правовые стороны жизни мусульманской общины. Хадис — изречение, одобрение, образ или действие пророка Мухаммада, сумма которых образует Сунну, являющуюся авторитетной для всех мусульман и составляющую одну из основ шариата. Хадисы передавались посредством сподвижников пророка.

² Джамаат (араб.) — коллектив мусульман.

любовь, чувство братства и взаимопомощи между мусульманами. Намаз, совершенный индивидуально, Всевышний может и не принять из-за наших упущений в нем. Но намаз, совершенный вместе с коллективом, Аллах принимает из уважения к джамаату, который собрался на намаз ради Него. Поэтому все обязательные намазы надо стараться совершать вместе с коллективом. Это может быть как в мечети, так и в другом месте»³.

Здесь мы видим, что модель, разработанная на материале исследований в культурах индивидуалистской ориентации, по-особому преломляется в более коллективистской культуре, где, видимо, разрыв между индивидуальным и социальным либо не такой широкий, либо не ощущается вовсе. Таким образом, в исламе для верующего выполнение коллективного намаза (социальное действие) имеет большую духовную ценность и значение (как индивидуальное переживание). Очевидно, что этот параметр имеет значение и в отношении личностной духовной идентичности, и в отношении социальной идентичности. В результате, данный компонент получил название «Социальная духовная идентичность».

Важно учитывать особенности гендерных различий в религиозной практике в исламе. В отношении посещения мечети и совершения там коллективного намаза значительно разнятся обязанности мужчин и женщин; в частности, выполнение обязательного пятничного (*джума*) намаза в мечети является обязанностью мужчин; женщинам же лучше совершать намаз дома. Именно поэтому наблюдается столь значительная разница в ответах по данному параметру (см. табл. 1) между девушками (3.3) и юношами (4.1).

Четвертый компонент, объясняющий 7% дисперсии, соответствует модели Д. Ван Камп (внешняя и социальная идентичность) «Религия как способ социального взаимодействия». В него вошли такие утверждения, как: «*Моя личная жизнь — это одно, а мое вероисповедание — это другое*»; «*Для меня важно то, что другие воспринимают меня как религиозного человека*». Для интерпретации этого параметра необходимо иметь в виду, что для современного чеченца неотделимы, слиты религиозная и этническая идентичности [15, с. 124]: «чеченец — это в первую очередь чеченец-мусульманин, ибо чеченская идентичность сегодня немыслима вне контекста исламской традиции» [10, с. 62]. «Этничность и религиозность для чеченцев являются тесно взаимосвязанными, взаимодополняющими, неотделимыми составляющими идентичности» [6, с. 12]. Поэтому религиозная исламская идентичность в определенном смысле является обязанностью для чеченца, показателем его лояльности своей этнической группе. По мнению Б.Б. Нанавой, «... особенностью этнического мировоззрения чеченцев является исключительная зависимость от общественного мнения. Только требуемая, ожида-

емая общественная оценка, выражающая мнение общества, является побудительным или стимулирующим фактором для индивида» [12, с. 53]. В коллективистической культуре чеченцев модели поведения заданы обществом и имеют императивный характер, а общественное мнение играет функцию поддержки или осуждения поступков и поведения человека. Как социально-психологический механизм регуляции поведения общественное мнение не позволяет человеку отклониться от заданного обществом вектора. Именно поэтому для чеченца важно то, что другие воспринимают его как религиозного человека. Это относится к сфере публичной идентичности личности.

Далее обратим внимание на результаты изучения исключительно социальной религиозной идентичности в разрезе компонентов идентификации с религиозной группой (по модели К. Лича). Как видно из табл. 2, у студентов-мусульман наиболее выражена субъективная удовлетворенность членством в религиозной группе. Это аффективный компонент, который отражает позитивные эмоции, возникающие у верующего от принадлежности к мусульманской умме, а также по отношению к самой религиозной группе: радость, гордость и счастье.

Следующим по значимости является компонент «Выраженность (центральность) групповой идентичности», который отражает, какое место в Я-концепции респондента занимает принадлежность к мусульманам. Его выраженность свидетельствует о важной роли религиозной идентификации в самовосприятии студентов-мусульман.

Компоненты, отражающие когнитивную самокатегоризацию — самостереотипизация и ингрупповая гомогенность, наименее значимы для студентов-мусульман. Это означает, что чеченские респонденты не считают себя абсолютно похожими на других мусульман, на их «усредненный» образ. Еще на этапе заполнения анкеты такие утверждения, как «*У меня много общего со среднестатистическим мусульманином*», «*Я похож на среднестатистического мусульманина*», вызвали у чеченских студентов сомнения и активные обсуждения. Для наших респондентов не столь очевидно, что все мусульмане схожи между собой и друг с другом. Не исключено, что это связано с особенностями, региональной спецификой чеченского мусульманства. Чеченцы исповедуют ислам суфийского толка, к которому в России принадлежат также мусульмане Ингушетии и Дагестана, и в котором сложилась своя специфика религиозных практик, отличающая его последователей от других мусульман [подробнее об этом см.: 14].

Таким образом, результаты изучения различных компонентов идентификации со своей религиозной группой отражают большую выраженность аффективного компонента религиозной социальной идентичности. Интересно, что при изучении этнической

³ Ислам в Дагестане. <http://www.islamdag.ru/verouchenie/1870>

идентичности чеченских респондентов [14, с. 464] обнаружена аналогичная тенденция в отношении этнической идентичности: аффективный компонент доминировал над когнитивным.

Далее обратим внимание на то, что, по результатам изучения категорий социальной консолидации (табл. 3), наименьшую степень социальной консолидации студенты-мусульмане из Чечни проявили в отношении граждан своей страны. При этом не было обнаружено значимых взаимосвязей параметров религиозной идентичности с такой социальной категорией, как «граждане России» (табл. 4, 5). Это означает, что ни рост, ни снижение уровня религиозной идентичности не связаны со степенью близости с гражданами России.

Подобные результаты обнаружены и в других эмпирических исследованиях на чеченской выборке [9, с. 158; 14, с. 476; 17, с. 31]. Так, в исследованиях Л.У. Курбановой отмечается, что «... российская гражданская идентичность при конструировании общей самоидентичности личности чеченца не входит в ценностное ядро идентификационных предпочтений, а располагается на ее периферии» [9, с. 158].

Что касается иных категорий социальной консолидации, то корреляционный анализ показал, что чем выше уровень таких компонентов религиозной идентичности, как индивидуальная и социальная духовная идентичность, а также идентичность по вероисповеданию, тем сильнее связь с людьми своего вероисповедания, своей национальности и с жителями своего города. При этом вновь необходимо подчеркнуть, что в данной выборке жители одного города (г. Грозный) в подавляющем большинстве и есть чеченцы-мусульмане, так как в настоящее время Чеченская Республика представляет собой фактически мононациональный регион (по данным на 2010 г., 95,08% населения Чечни — это чеченцы)⁴. Вероятно, что такие категории социальной консолидации, как вероисповедание, этничность и соседство сплетаются в единый фе-

номен, центральный для социальной идентичности студента-мусульманина из Чечни.

Выводы

1. Религиозная идентичность студентов-мусульман из Чечни представляет собой четырехфакторную структуру, в которую вошли следующие параметры (в порядке убывания значимости):

- индивидуальная духовная идентичность;
- идентичность по вероисповеданию;
- социальная духовная идентичность;
- религия как способ социального взаимодействия.

2. Изучение идентификации с религиозной группой по методу К. Лича показало, что наибольший вес в структуре религиозной идентичности чеченской молодежи имеют такие компоненты как:

- удовлетворенность членством в группе;
- выраженность (центральность) ингрупповой идентичности;
- сплоченность/приверженность группе.

3. Изучение социальной консолидации показало, что наивысшую ее степень чеченские студенты ощущают с представителями своей религии (мусульманами) и своей национальности (чеченцами), а также с жителями своего города, подавляющее большинство которых также являются чеченцами-мусульманами. Наименьшую степень социальной консолидации наши респонденты проявили в отношении граждан своей страны.

4. Были выявлены значимые взаимосвязи между различными параметрами религиозной идентичности и социальной консолидацией.

Значимых взаимосвязей не было обнаружено между параметрами религиозной идентичности и гражданской консолидацией. Это означает, что ни рост, ни снижение уровня религиозной идентичности не связаны со степенью ощущения близости с гражданами России.

Финансирование

Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 15-06-10843 «Риски и ресурсы религиозной идентичности в современной России: кросс-культурный анализ».

Литература

1. Агадуллина Е.Р., Ловаков А.В. Модель измерения ингрупповой идентификации: проверка на российской выборке // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10. № 4. С. 143–157.

2. Ал-Бухари Мухаммад ибн Исмаил. Жемчужины ал-Бухари. Хадисы Пророка с комментариями ал-Касталани. СПб: Диля, 2011. 320 с.

3. Александрова Е.А. Религиозная идентичность в российских культурно-антропологических исследованиях // Культура и цивилизация. 2015. № 6. С. 10–22.

4. Андреева Г.М., Богомолова Н.Н., Петровская Л.А. Зарубежная социальная психология XX столетия: Теоретические подходы: учеб. пособие для вузов. М.: Аспект Пресс, 2002. 287 с.

5. Дробижина Л.М. Российская идентичность в массовом сознании [Электронный ресурс] // <http://valerytishkov.ru/engine/documents/document1223.doc> (дата обращения 23.04.2016).

6. Жемчураева С.Ш. Теоретико-методологические аспекты социологической диагностики идентичности чеченцев в полиэтнической среде: дисс. ... канд. социол. наук. Саратов, 2010. 285 с.

⁴ http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/results2.html (дата обращения: 24.04.2015).

7. *Ильин В.А.* К вопросу о религиозной идентичности: опыт культурно-исторического анализа с позиций психосоциальной теории развития // Социальная психология и общество. 2015. Т. 6. № 2. С. 33–34.
8. *Крылов А.Н.* Религиозная идентичность. Индивидуальное и коллективное самосознание в постиндустриальном пространстве. 2-е изд. М.: Икар, 2012. 306 с.
9. *Курбанова Л.У.* Проблемы и процессы гендерной самоидентификации чеченцев. Краснодар: ООО «Просвещение-Юг», 2012. 303 с.
10. *Малашенко А.В.* Исламские ориентиры Северного Кавказа. М.: Гендальф, 2001. 180 с.
11. *Мчедлова М.М.* Религиозная идентичность // Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. Т. 1. Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий / Отв. ред. И.С. Семенов. М.: РОССПЭН, 2012. С. 123–127.
12. *Нанаева Б.Б.* Традиционное общество чеченцев: социокультурный анализ. Р.-н/Д.: Социально-гуманитарные знания, 2012. 352 с.
13. *Олпорт Г.В.* Личность в психологии. М.: Ювента, 1998. 345 с.
14. *Павлова О.С.* Чеченский этнос сегодня: черты социально-психологического портрета. М.: ООО «Сам Полиграфист», 2013. 558 с.
15. *Павлова О.С.* Этническая, религиозная и государственно-гражданская идентичность чеченцев и ингушей: содержание и проблемы соотношения // Социальная психология и общество. 2013. № 2. С. 123–124.
16. Хадис: учеб. пособие. СПб: Диля, 2014. 272 с.
17. *Хухлаев О.Е., Миназова В.М., Павлова О.С., Зыков Е.В.* Социальная идентичность и этнонациональные установки студенческой молодежи Чечни // Социальная психология и общество. 2015. Т. 6. № 4. С. 23–40. doi:10.17759/sps.2015060403
18. *Шорохова В.А.* Религиозная идентичность в зарубежных психологических исследованиях: теоретические модели и способы изучения // Социальная психология и общество. 2014. Т. 5. № 4. С. 44–62.
19. *Шорохова В.А., Хухлаев О.Е., Дагбаева С.Б.* Взаимосвязь ценностей и религиозной идентичности у школьников буддистского вероисповедания // Культурно-историческая психология. 2016. Т. 12. № 1. С. 66–75. doi:10.17759/chp.2016120107
20. *Leach C.W., van Zomeren M., Zebel S., Vliek M.L.W., Pennenkamp S.F., Doosje B., Ouwerkerk J.W., Spears R.* Group-level self-definition and self-investment: A hierarchical (multicomponent) model of in-group identification // Journal of Personality and Social Psychology. 2008. 95(1). P. 144–165. doi:10.1037/0022-3514.95.1.144
21. *Van Camp D.* Religious Identity: Individual or Social? Exploring the Components and Consequences of Religious Identity: PhD. thesis [Электронный ресурс]. Howard University, Washington, D.C., 2010. URL: <http://search.proquest.com/pqdtft/docview/743822279/13E4AA3864B650ABE7C/1?accountid=35419> (дата обращения: 13.05.2016).

Religious Identity in Muslim Students (A Study of Young People Living in the Chechen Republic)

O.S. Pavlova*,

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
os_pavlova@mail.ru

V.M. Minazova**,

Chechen State University, Grozny, Russia,
veneraminazova@mail.ru

O.E. Khukhlaev***,

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
hukhlaev@mail.ru

The paper presents outcomes of a social psychological study on the structure and content of various components of religious identity in Muslim youth using the methods of C. Leach and D. Van Camp. The study also aimed to reveal the relationship between the components of religious identity and social consolidation. The study was carried out in Grozny (Chechen Republic, Russia) in the autumn of 2015. The sample consisted of 417 first- and second-year students of Chechen universities with an average age of 19, 164 male and 253 female. Empirical testing of the original models on the sample of Muslim students showed that religious identity in the Chechen young people represents a four-factor structure comprised of the following parameters: individual religious identity; faith identity; social religious identity; religion as a means of social interaction. The study also revealed significant correlations between the various parameters of religious identity and social consolidation.

Keywords: religious identity, social categorization, Islam, Muslim students.

Funding

The research was conducted with the assistance of the Russian Science Foundation (№15-06-10843 “Risks and Resources of Religious Identity in Modern Russia: A Cross-Cultural Analysis”).

References

1. Agadullina E.R., Lovakov A.V. Model' izmereniya in-grupповoi identifikatsii: proverka na rossiiskoi vyborke [The measurement model of ingroup identification: validation on a Russian sample]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of Higher school of Economics], 2013. Vol. 10, no. 4, pp. 143–157.
2. Al-Bukhari Mukhammad ibn Ismail. Zhemchuzhiny al-Bukhari. Khadisy Proroka s kommentariyami al-Kastalani [Pearls of al-Bukhari. The hadiths of the Prophet with commentary of al-Qastalani]. Saint Petersburg: Publ. Dilya, 2011. 320 p.
3. Aleksandrova E.A. Religioznaya identichnost' v rossiiskikh kul'turno-antropologicheskikh issledovaniyakh [Religious identity in the Russian cultural-anthropological studies].

Kul'tura i tsivilizatsiya [Culture and civilization], 2015, no. 6, pp. 10–22.

4. Andreeva G.M., Bogomolova N.N., Petrovskaya L.A. Zaru-bezhnaya sotsial'naya psikhologiya KhKh stoletiya: Teoreticheskie podkhody: Ucheb. posobie dlya vuzov. [Foreign social psychology of the twentieth century: Theoretical approaches: Textbook. manual for schools]. Moscow: Publ. Aspekt Press, 2002. 287 p.

5. Drobizheva L.M. Rossiiskaya identichnost' v massovom soznanii [Russian identity in the mass consciousness]. Available at: <http://valerytishkov.ru/engine/documents/document1223.doc> (Accessed 01.07.2016).

6. Zhemchuraeva S.Sh. Teoretiko-metodologicheskie aspekty soziologicheskoy diagnostiki identichnosti chechenzev v polietnicheskoy srede [Theoretical and methodological aspects of sociological diagnosis identity of Chechens in multiethnic environment. Dr. Sci. (Sociology) diss.]. Saratov, 2010. 285 p.

For citation:

Pavlova O.S., Minazova V.M., Khukhlaev O.E. Religious Identity in Muslim Students (A Study of Young People Living in the Chechen Republic). *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-historical psychology*, 2016. Vol. 12, no. 4, pp. 90–99. (In Russ., abstr. in Engl.). doi: 10.17759/chp.2016120409

* Pavlova Olga Sergeevna, PhD in Pedagogy, associate professor, Chair of Ethnopsychology and Psychological Problems in Multicultural Education, associate professor, Chair of Preschool Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia. E-mail: os_pavlova@mail.ru

** Minazova Venera Magomedovna, senior lecturer, Chair of Pedagogy and Psychology, Chechen State University, Grozny, Russia. E-mail: veneraminazova@mail.ru

*** Khukhlaev Oleg Evgenyevich, PhD in Psychology, assistant professor, head of the Chair of Ethnopsychology and Psychological Problems in Multicultural Education, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia. E-mail: hukhlaev@mail.ru

7. Il'in V.A. K voprosu o religioznoi identichnosti: opyt kul'turno-istoricheskogo analiza s pozitsii psikhosotsial'noi teorii razvitiya [To the question of religious identity: the experience of cultural-historical analysis from the standpoint of psychosocial development theory]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* [Social psychology and society], 2015. Vol. 6, no. 2, pp. 33–34. (In Russ., abstr. in Engl.)

8. Krylov A.N. Religioznaya identichnost'. Individual'noe i kollektivnoe samosoznanie v postindustrial'nom prostranstve [Religious identity. Individual and collective identity in the post-industrial space]. 2-e izd. Moscow: Ikar, 2012. 306 p.

9. Kurbanova L.U. Problemy i protsessy gendernoy samoidentifikatsii chechenzev [Problems and processes of gender identity Chechens]. Krasnodar, Publ. Prosveschenie-Yug, 2012. 303 p.

10. Malashenko A.V. Islamskie orientiry Severnogo Kavkaza [The Islamic guidelines of the North Caucasus]. Moscow: Publ. Gendal'f, 2001. 180 p.

11. Mchedlova M.M. Religioznaya identichnost' [Religious identity]. In Semenenko I.S. (ed.). *Politicheskaya identichnost' i politika identichnosti: v 2 t.* [Political identity and policy of identity: in 2 vol.]. Moscow: Publ. ROSSPEN, 2012. Vol. 1, pp. 123–127.

12. Nanaeva B.B. Traditsionnoe obshchestvo chechentsev: sotsiokul'turnyi analiz [Traditional Chechen society: socio-cultural analysis]. Rostov-on-Don: Publ. Sotsial'no-gumanitarnye znaniya, 2012. 352 p.

13. Olport G.V. Lichnost' v psikhologii [Personality in psychology]. Moscow: Publ. Yuventa, 1998. 345 p.

14. Pavlova O.S. Chechenskiy etnos segodnya: cherty sozial'no-psichologicheskogo portreta [Chechen ethnic group today: traits of socio-psychological portrait]. Moscow: Publ. Sam Poligrafist, 2013. 540 p.

15. Pavlova O.S. Etnicheskaya, religioznaya i gosudarstvenno-grazhdanskaya identichnost' chechentsev i ingushei: sodержanie i problemy sootnosheniya [Ethnic, religious and national-civil identity of the Chechens and Ingush: the contents and problems of correlation]. *Sotsial'naya psikhologiya*

i obshchestvo [Social psychology and society], 2013, no. 2, pp. 123–124.

16. Khadis: uchebnoe posobie [Hadith: a tutorial]. Saint Petersburg: Publ. Dilya, 2014. 272 p.

17. Khukhlaev O.E., Minazova V.M., Pavlova O.S., Zykov E.V. Sotsial'naya identichnost' i etnonatsional'nye ustanovki studencheskoi molodezhi Chechni. [Social identity and ethno-national installation of student's youth of Chechnya]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* [Social psychology and society], 2015. Vol. 6, no. 4, pp. 23–40. doi:10.17759/sps.2015060403

18. Shorokhova V.A. Religioznaya identichnost' v zarubezhnykh psikhologicheskikh issledovaniyakh: teoreticheskie modeli i sposoby izucheniya. [Religious identity in foreign psychological studies: theoretical models and ways of learning]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* [Social psychology and society], 2014. Vol. 5, no. 4, pp. 44–62.

19. Shorokhova V.A., Khukhlaev O.E., Dagbaeva S.B. Vzaimosvyaz' tsennosti i religioznoi identichnosti u shkol'nikov buddistskogo veroispovedaniya. [The relation between values and religious identity among Buddhist students of religion]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural-historical psychology], 2016. Vol. 12, no. 1, pp. 66–75. doi:10.17759/chp.2016120107

20. Leach C.W., van Zomeren M., Zebl S., Vliek M.L.W., Pennekamp S.F., Doosje B., Ouwerkerk J.W., Spears R. Group-level self-definition and self-investment: A hierarchical (multicomponent) model of in-group identification // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2008. 95(1), pp. 144–165. doi:10.1037/0022-3514.95.1.144

21. Van Camp D. Religious Identity: Individual or Social? Exploring the Components and Consequences of Religious Identity. [Elektronnyi resurs]. PhD. thesis. Howard University, Washington, D.C., 2010. *ProQuest Dissertations and Theses (PQDT)* URL: <http://search.proquest.com/pqdtft/docview/743822279/13E4AA3864B650ABE7C/1?accountid=35419> (Accessed 13.05.2016)